

УДК 82.091

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/40/65>

**СВОИМИ СЛОВАМИ: АВТОРЕФЕРЕНТНАЯ ФУНКЦИЯ ПАРАФРАЗА
«БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ» В ПОЭЗИИ ЛЬВА ЛОСЕВА**

©*Соколов К. С.*, SPIN-код: 8020-0967, ORCID: 0000-0002-7670-8289, канд. филол. наук,
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, kirill.sokolov@fulbrightmail.org

**IN ONE'S OWN WORDS: THE AUTOREFERENTIAL FUNCTION OF PARAPHRASES
OF "THE KARMAZOV BROTHERS" IN THE POETRY OF LEV LOSEFF**

©*Sokolov K.*, SPIN-code: 8020-0967, ORCID: 0000-0002-7670-8289, Ph.D.,
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia, kirill.sokolov@fulbrightmail.org

Аннотация. Поэтические пересказы Льва Лосева нельзя рассматривать как простое переложение смыслов исходного произведения в новую форму. Предметом творческой рефлексии в таких стихотворениях становится сама форма нового высказывания, ее особенности, культурные и социальные контексты ее порождающие. Таким образом, существеннейшим свойством поэтических парафраз Лосева оказывается их автореферентность.

Abstract. Lev Loseff's poetical retellings could not be considered as an exposition of initial text in a new form. This new form, its properties and its cultural and social contexts become the object of his creative reflections. Consequently, the autoreferential function appears to be the essential feature of Loseff's poetic paraphrases.

Ключевые слова: поэзия Льва Лосева, парафраз, пародия, Ф. М. Достоевский, авторская маска, культурная идентичность, автореферентность.

Keywords: poetry of Lev Loseff, paraphrase, parody, F. M. Dostoevsky, author's masque, cultural identity, autoreference.

Исследование карамазовского субстрата в творчестве и, по-видимому, в мировоззрении Льва Лосева может стать предметом специального исследования, мы же ограничимся описанием поэтики остроумного (но не комического!) парафразы — жанра, в котором наиболее ярко проявляется талант поэта-филолога и «поэта для филологов».

Известность Лосева-поэта вполне объяснимо, но незаслуженно уступает славе Лосева-биографа Бродского и автора фундаментальных комментариев к его стихам. Не столь известны и литературоведческие работы Лосева-слависта, собранные под одной обложкой лишь через год после смерти автора. Возможно, первым у Лосева артикулированным опытом по соединению романа «Братья Карамазовы» и поэзии становится статья 1991 года «“Страшный пейзаж”: маргиналии к теме Ахматова/Достоевский» [1, с. 28–52]. Необходимые профессору Дартмутского Колледжа академические строгость и точность здесь неожиданно соседствуют с попыткой понять истоки собственного, субъективного отношения к рассматриваемому тексту. Приступая к разбору стихотворения «За озером луна

остановилась...», Лосев отталкивается от личного опыта восприятия «беспокоящей недосказанности» [1, с. 29] ахматовского стихотворения. Объяснение психологического эффекта от его чтения выглядит неожиданной догадкой даже для самого исследователя: «Повидимому, помещенные в композиционном центре стихотворения (золотое сечение) три точки являются условным знаком события, более ужасного, чем внезапная смерть, даже смерть ребенка, такого, что словами и не выразишь. Вот тут и вспомнилось, что такой же “прием” был использован в другом исполненном метафизического ужаса литературном произведении. При всей разнице в жанре и объеме между романом Достоевского «Братья Карамазовы» и двенадцатистрочным стихотворением Ахматовой налицо композиционное сходство. Сюжетный центр «Братьев Карамазовых» находится в «осьмой» из двенадцати книг романа (у Ахматовой в восьмой строке из двенадцати строк стихотворения). Тут завязываются в один узел и детектив, и теодицея Достоевского <...> Внезапно ахматовский ноктюрн прочитывается как поэтическая парафраза центральной главы «Братьев Карамазовых», которую Достоевский назвал “В темноте”» [1, с. 31–32].

В этой пространной цитате показательны и само найденное типологическое сходство, и попытка его «формальной» легитимизации в филологическом дискурсе, предпринятая для соблюдения строгих требований жанра научной статьи, но важнее для автора оказывается нахождение универсального коррелята ощущения «метафизического ужаса», возникающего в стихотворении Ахматовой.

В поэзии же Лосева если не сама карамазовская тема «метафизического ужаса», то ее стилистический эквивалент, казалось бы, отсутствует совершенно. Так, «Почерк Достоевского» из книги «Sisyphus redux», объединившей стихотворения 1997–2000 гг, на первый взгляд воспринимается как текст юмористический, почти «дикарский» (в том смысле, в каком Н. Я Мандельштам назвала «молодыми дикарями» И. Ильфа и Е. Петрова, «циничнейший смех которых означивал "добровольный отказ от гуманизма"» [2, с. 47]) и пародийный:

ПОЧЕРК ДОСТОЕВСКОГО

С детских лет отличался от прочих
Достоевского бешеный почерк –
бился, дергался, брызгался, пер
за поля. Посмотрите-ка письма
с обличеньем цезаропапизма,
нигилизма, еврейских афер,
англичан, кредиторов, поляков –
частокол восклицательных знаков!!!
Не чернила, а чернозем,
а под почвой, в подпочвенной черни
запятах извиваются черви,
и как будто бы пена на всем.
Как заметил со вздохом графолог,
нагулявший немецкий жирок,
книги рвутся и падают с полок,
оттого что уж слишком широк
этот почерк больной, allzu russisch...
Ну, а что тут поделывать – не сузишь [3, с. 452].

Начинаясь как абсурдная пародия на любую канонизированную биографию (*с детских лет отличался от прочих*), текст достаточно полно воспроизводит элементы культурного мифа, связанного с образом Достоевского: эпилепсия (*бился, дергался, брызгался...*, *пена на всем*), национализм (*обличенье... еврейских афер, англичан..., поляков*), духовные поиски (*цезаропапизм, нигилизм*), почвенничество (*не чернила, а чернозем*). Однако эффект стихотворения рассчитан на узнавание в нем тематического парафраза «Братьев Карамазовых»: от «цезаропапизма», ставшего предметом статьи Ивана Карамазова, излагаемой им в главе «Буди, буди!» (ч. I, кн. II, гл. V), до «полячишек» (к этой теме см., напр., недавнее исследование: Углик Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского [4]) и травестированной фразы Дмитрия: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» из «Исповеди горячего сердца. В стихах» (ч. I, кн. III, гл. III). Сама же стихотворная форма служит остроумной — в ломоносовском смысле — «оправой» этому парафразу. Семантически выверенный анжамбеман в начале стихотворения (*почерк... пер / за поля*) отзывается вторым элементом каламбурной финальной сентенции (*почерк больной, allzu russisch... что тут поделать – не сузишь*). Стихотворение, таким образом, приобретает характерную для Лосева многослойность: за задорным издевательством над классиком проступают совсем не пародийные смыслы или, по терминологии Ю. Н. Тынянова, — «отсутствие направленности на какое-либо произведение», знаки «прикрепления к литературе вообще» [5, с. 290], что, в свою очередь, ставит вопрос о статусе лирического высказывания и интенциях субъекта поэтической речи.

В предисловии к итоговому собранию стихотворений Лосева Сергей Гандлевский замечает, что «вереницу беспечных лирических героев русской поэзии — «праздных гуляк», повес и хулиганов — Лосев дополнил еще одним обаятельным и новым для нее персонажем — интеллигентом-забуддыгой. Поэт пожалел и приветил речь-полукровку — гибрида “классической розы и советского дичка”» [6, с. 5–6]. Характеристика точно описывает лишь одну из авторских масок, отчасти напоминающую Веничку из поэмы Ерофеева «Москва — Петушки», но не учитывает подчеркнутого формального традиционализма и цитатного характера поэзии Лосева. В лосевских текстах игровое начало, казалось бы, вытесняет тот самый метафизический ужас, о котором он без иронии писал в статье об Ахматовой и Достоевском, однако игровое сочетание выверенной формы и точных цитат становится легко опознаваемым «минус-приемом», порождает эффект «интеллектуальной суггестии», отсылающей — через литературу — к тому, чему эта литература посвящена. Из-под маски «интеллигента-забуддыги» слышится глубоко личное высказывание. По точному замечанию Лили Панн «“Смерть автора”, от которой Лосев не отмахивается в своих литературных переложениях, преодолевается им не настаиванием на еще одном лирическом «я», а прорывом — сквозь виртуозную игру — оригинальной личности автора, неповторимого человека <...>» [7]. Подобный прием лежит в основе многих авторепрезентативных стихотворений Лосева. Пожалуй, самые известные из них — «Один день Льва Владимировича», «Нет» (*Вы русский? Нет, я вирус СПИДа...*) и «Левлосев» (*Левлосев не поэт, не кифаред...*). Мы же обратимся к еще одному парафразу «Братьев Карамазовых», где «интеллигентская» составляющая максимально редуцирована:

СВОИМИ СЛОВАМИ (*пересказ*)

Ф. П., владелец вислых щечек, поставил сына, блин, на счетчик! Вся эта хрень произошла там из-за бабы, не бабла. А С. был полный отморозок, немало ругани и розог он сызмалетства получил. Сработал план дегенерата: он разом и подставил брата, и бату на фиг

замочил. Все, повторяю, из-за суки. Тут у другого брата глюки пошли, а младший брат штаны махнул на хиповый подрясник и в монастырь ушел под праздник. Ну, вы даете, братаны! [3, с. 658].

Это маскирующееся под прозу стихотворение Лосев написал в 2008 г по заказу русской версии международного глянцевого журнала «Эсквайр» для рубрики, где печатались короткие рассказы длиной в 72 слова (подобная рубрика существует и в других национальных версиях журнала, варьируется лишь объем рассказов). «Рассказ» Лосева редакция не приняла, и он был впервые напечатан в журнале «Знамя». О мотивах отказа было неизвестно даже редактору рубрики [8], однако, можно предположить, что текст на более чем на 20% состоящий из блатной, «пацанской» лексики мог быть воспринят как издевка над вкусами целевой аудитории издания. Используя стилистический регистр зека, «тискающего рóманы» (см., напр. очерк Варлама Шаламова «Как “тискают рóманы”»), Лосев превращает роман Достоевского в набор легко опознаваемых даже не сюжетных, а речевых ситуаций. Не менее узнаваем в речевом отношении и финальный комментарий «Ну, вы даете, братаны!», вызывающий в памяти пошедшую в народ фразу генерала Иволгина (Отметим другой роман Достоевского как возможный источник фамилии киноперсонажа) из популярного в конце 90-х фильма А. Рогожкина «Особенности национальной охоты» и его сиквелов. *Pointe* пересказа – переименование братьев в «братанов» – также обусловлен стилистически и обозначает уже не родственные связи героев Достоевского, а перевод всего сюжета в иную социально-культурную плоскость, актуальную для России 90-х годов (ср. популярную в это же время песню Е. Кемеровского «Братва, не стреляйте друг друга»).

Казалось бы, лосевский стилистический эксперимент имеет целью засвидетельствовать неизбежную редукцию смыслов исходного текста вслед за редукцией формы. Однако слегка искаженный пересказ сюжета «Братьев Карамазовых» на жаргоне создает лишь внешний, поверхностный эффект культурной энтропии. В записанном в строчку тексте заложен механизм «рекультивации», который становится очевиден, если восстановить традиционное для стихотворения деление на строки:

Ф. П., владелец вислых щечек,
поставил сына, блин, на счетчик!
Вся эта хрень произошла
там из-за бабы, не бабла.
А С. был полный отморозок,
немало ругани и розог
он сызмалетства получил.
Сработал план дегенерата:
он разом и подставил брата,
и батю на фиг замочил.
Все, повторяю, из-за суки.
Тут у другого брата глюки
пошли, а младший брат штаны
махнул на хиповый подрясник
и в монастырь ушел под праздник.
Ну, вы даете, братаны!

Рифмованный четырехстопный ямб, скрывающийся за квазипрозаическим пересказом, оказывается глубинным кодом, преображающим текст. Схема рифм (aaBB ccDeeD ffJhhJ) этих шестистрочных строф (или строфоидов) соответствует рифмовке первых двух строфоидов стихотворения «Почерк Достоевского». «Умаление» культуры, отраженное в варварском парафразе, остроумно преодолевается поэтической формой. Вся вещь организуется, таким образом, как система противопоставлений: роман – парафраз, «метафизический» ужас — люмпенская «бытовуха», проза — поэзия. Лосев достигает неожиданного и сильного художественного эффекта, органически сочетая несочетаемое на пространстве 72 слов. Для личного высказывания здесь, казалось бы, не остается места, но, подобно глуховатому голосу автора, сквозь буффонный монолог проступает поэтическая структура — эквивалент подлинной речи в мире глянца, кратких пересказов и готовых смыслов. Карамазовские парафразы Лосева, таким образом, имеют признаки *пародического* автореферентного высказывания, обращенного не к тексту романа Достоевского, а к культуре в границах которой они существуют, языком которой говорят и деградации которой сопротивляются.

Список литературы:

1. Лосев Л. В. Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2010. 608 с.
2. Жолковский А. К. Блуждающие сны. Из истории русского модернизма. М.: Советский писатель. 1992. 431 с.
3. Лосев Л. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2012. 600 с.
4. Углик Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского // *Toronto Slavic Quarterly*. 2011. №37. P. 136-149.
5. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука. 1977. 576 с.
6. Гандлевский С. Нежестокий талант // Лосев Л. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2012. С. 5-14.
7. Панн Л. «Искусство трогать» Льва Лосева // *Стороны света*. №13. Режим доступа: <http://www.stosvet.net/13/pann/index.html#1back> (дата обращения 02.02.2019).
8. Борисенко Д. Как я редактировал рубрику «72 слова» в журнале «Esquire» // Батенька, да вы трансформер. Режим доступа: <https://batenka.ru/unity/72-words/> (дата обращения 02.02.2019).

References:

1. Losev, L. V. (2012). Solzhenitsyn I Brodskij kak sosedi (Solzhenitsyn and Brodsky as neighbours). Sankt Petersburg.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 608.
2. Zholkovskij, A. K. (1992). Bluzhdajuschie sny. Iz istorii russkogo modernizma (Wandering dreams. Towards the history of Russian modernism). Moscow: Sovetskij pisatel'. 431.
3. Losev, L. (2012). Stikhi (Poems). Sankt Petersburg.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 600.
4. Ugljik, Y. (2011). Obraz pl'akov v romanah I publitsistike F.M. Dostoevskogo (The Poles in F.M. Dostoevsky's novels and pulicism). *Toronto Slavic Quarterly*, (37). 136-149.
5. Tyn'anov, Y. N. (1977). Poetica. Istorija Literatury. Kino (Poetics. History of literature. Cinema.). Moscow: Nauka. 576.
6. Gandlevskij, S. (2012). Nezhestokij talent (Non-cruel talent). Losev L. Stikhi (Poems). Sankt Petersburg.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 5-14.
7. Pann, L. "Iskusstvo trogat" Lva Loseva ("The art of affect" of Lev Loseff). *Storony sveta* (Cordinal Points) # 13: <http://www.stosvet.net/13/pann/index.html#1back>

8. Borisenko, D. Kak ja redaktiroval rubriku “72 slova” v zhurnale “Esquire” (How I was an editor of “72 words” column in “Esquire” magazine). Baten’ka da vy transformer: <https://batenka.ru/unity/72-words/>

*Работа поступила
в редакцию 14.02.2019 г.*

*Принята к публикации
18.02.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Соколов К. С. *Своими словами*: Автореферентная функция парафразы «Братьев Карамазовых» в поэзии Льва Лосева // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №3. С. 492-497. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/40/65>.

Cite as (APA):

Sokolov, K. (2019). *In one’s own words*: The autoreferential function of paraphrases of “The Karamazov Brothers” in the poetry of Lev Loseff. *Bulletin of Science and Practice*, 5(3), 492-497. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/40/65>. (in Russian).